

Исследование эмпатии: критический анализ и новые перспективы

И.Б. Бовина

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Цель настоящей работы заключается в критическом анализе состояния исследований эмпатии, а также в обсуждении ряда новых линий ее анализа. Актуальность обращения к конструкту эмпатии можно объяснять следующим образом: если исходить из того, что эмпатия связана с мотивацией помогающего поведения (часть исследователей эмпатии склоняются в пользу именно такой трактовки), то в современной ситуации, сопряженной как с процессами глобализации в целом (взаимодействие с представителями других культур), так и с высоким уровнем миграционных процессов, перед исследователями открывается перспектива поиска факторов, способствующих возникновению эмпатических реакций в отношении представителей других культур. С другой стороны, понятие эмпатии, введенное в психологию в 1909 г. Э. Титченером, имеет достаточно длительную историю существования в науке, однако, насколько позволяет судить анализ литературы, исследователи значительно разнятся не только в понимании и определении этого явления, в объяснении механизмов эмпатии, но и в методах ее измерения. Хотя возможность консенсуса в отношении эмпатии и не рассматривается, тем не менее рефлексия относительно эмпатии и методов ее измерения видится необходимой. В настоящей работе намечаются некоторые возможные линии анализа эмпатии, в частности, в контексте межгрупповых отношений.

Ключевые слова: эмпатия, объект эмпатии, межгрупповые отношения, межкультурное взаимодействие, методы измерения эмпатии.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-013-00387.

Для цитаты: Бовина И.Б. Исследование эмпатии: критический анализ и новые перспективы // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160109>

Empathy: Critical Analysis and New Research Perspectives

I.B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

The purpose of this work is to critically analyze the current state of empathy research as well as to discuss some new lines of research. The relevance of addressing the concept of empathy can be explained in the following manner: if we assume that empathy is associated with helping behavior (some researchers of empathy tend in favor of this interpretation), then in the actual situation associated with the processes of globalization as a whole (interaction with members of other cultures), as well as with a high level of migration processes, researchers are faced with a challenge of finding the factors which promote empathic reactions towards the members of other cultures. On the other hand, the concept of empathy, introduced into psychology in 1909 by E. Titchener, has a rather long history in science, but as far as the literature analysis suggests, researchers differ significantly not only in their understanding and definitions of this phenomenon, or in their explanations of the mechanisms of empathy, but also in methods of its measurement. Although the possibility of consensus is not considered, however, reflection regarding empathy and methods of its measurement is seen as necessary. This paper outlines some perspectives on empathy research, in particular, in the context of intergroup relations.

Keywords: empathy, object of empathy, intergroup relations, intercultural interaction, methods empathy measurement.

Funding: This article is a part of the research project supported by RFBR (No19-013-00387).

For citation: Bovina I.B. Empathy: Critical Analysis and New Research Perspectives. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 88–95. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160109>

Что такое эмпатия? Основной задачей настоящей работы является обсуждение актуального состояния исследований эмпатии и размышление над новыми линиями ее анализа. Едва ли возможно представить работу, посвященную проблеме эмпатии, в которой не упоминались бы имена таких ученых, как Р. Фишер, Т. Липпс и Э. Титченер, не заходила бы речь о разведении понятий «симпатия» и «эмпатия». Если Т.П. Гаврилова в одной из первых отечественных работ, посвященных эмпатии, говорит о том, что симпатия в настоящее время является нерабочим понятием в психологии [анализируется по: 5], то Г. Яхода, основываясь на историческом анализе, утверждает, что в психологии существует консенсус относительно разницы таких явлений, как симпатия и эмпатия, однако отмечает, что споры о природе их различий не прекращаются [19]. Для ответа на этот вопрос, как подчеркивает Г. Яхода, требуется расширение исследований в область нейронаук [19]. Заметим, что в недавних исследованиях различие между симпатией и эмпатией было продемонстрировано путем анализа их представительства в коре головного мозга [26].

Понятие «эмпатия» восходит к работам Р. Фишера, который предложил концепцию «*Einfühlung*» (вчувствование), применительно к эстетическому отношению, которое субъект может иметь с объектом, произведением искусства, окружающим миром (*вчувствование* в буквальном смысле означает «перенести себя в объект», что заставляет нас «чувствовать его внутри» [24]). Субъект как бы одалживает свои чувства объекту, ставя себя ему на службу. В своих работах начала XX века Т. Липпс сделал переход от искусства к визуальным иллюзиям и межличностному пониманию, говоря о том, что вчувствование является собой механизм познания Другого, а также и окружающего мира в целом [5; 20]. Для Липпса вчувствование походило на старое понятие симпатии. Т. Липпс и ввел понятие «вчувствование» в психологию.

Э. Титченер склонялся к определению эмпатии в узком смысле, как вчувствования-себя-в предметах, ситуациях, в чувствах и состояниях другого человека, механизмом которой является внутренняя имитация [5; 20]. К настоящему моменту, столетие спустя, исследователи расширили, углубили понимание эмпатии, предложив целый ряд объяснительных моделей и механизмов [5; 6; 10; 13; 14; 18; 24]. В обзорной статье Б. Каффа с коллегами констатируется значительное разнообразие в понимании эмпатии, в частности, приводится список из сорока трех определений эмпатии (который, на основе тщательного ана-

лиза определений, пополняется сорок четвертым — своим собственным, при этом не решается проблема множественности определений).

В своем анализе Б. Кафф отдает предпочтение анализу работ, опубликованных на английском языке [13]. Двадцать пять определений представлены в работах, опубликованных с 2000 года. Авторы принимают во внимание работы исследовательского и психотерапевтического толка. С перечнем определений можно поспорить (например, в списке наряду с современными определениями имеется определение симпатии, данное А. Смитом) [13].

Вслед за авторами [13] представляется возможным говорить о целом ряде критериев, которые позволяют упорядочить определения эмпатии и отрефлексировать специфику этого процесса.

1. *Когнитивная* или *аффективная* природа эмпатии. Как свидетельствуют исследователи, в литературе присутствуют три типа определений: акцентирующие когнитивную природу эмпатии, акцентирующие аффективную природу эмпатии, наконец, учитывающие оба аспекта. Этот критерий отражен в большинстве определений (в тридцати одном определении из сорока трех). По замечанию В. Стефана и К. Финлей, при всем многообразии трактовок эмпатии, исследователи и теоретики все же согласны с тем, что можно различать два типа эмпатии — когнитивную и аффективную [24].

2. *Конгруэнтность—неконгруэнтность* эмоциональных проявлений.

3. *Особенности объекта эмпатии* (вопрос, которым задается Б. Кафф с коллегами, касается таких параметров объекта эмпатии, как его присутствие или отсутствие в ситуации, когда возникает эмпатия; реальный или вымышленный персонаж, т. е. герой литературного произведения или кинопродукции).

4. Понимание причин возникновения эмпатии (здесь речь идет о том, осознает ли субъект эмпатии, что его состояние обусловлено внешним источником, или такое осознание отсутствует).

5. *Личностная* или *ситуативная* природа эмпатии.

6. *Связь эмпатии и поведения* (исследователи расходятся в позициях, относительно того, должен ли следовать некоторый поведенческий акт вслед за возникновением эмпатии или нет).

7. Эмпатия как *автоматический* или *контролируемый* процесс (для представителей нейронаук эмпатия является автоматическим процессом, возникающим при наблюдении эмоционального состояния Другого. В противоположность этой позиции эмпатия является

ся процессом, который наблюдатель в самом простом варианте контролирует и может модифицировать, т. е. предполагается наличие когнитивного усилия со стороны наблюдателя (субъекта эмпатии).

Некоторые из этих критериев могут рассматриваться как частично совпадающие; одни основания для классификации определений касаются процесса эмпатии, другие — механизмов эмпатии, третьи — причин. По сути, представляется возможным проводить параллели между этими семью критериями и моделью М. Дэйвиса, в которой он предлагает различать предпосылки эмпатии (личностные или ситуативные), собственно процесс эмпатии, а также последствия (интра- и интерперсональные) [14].

Один из критериев, на который обратил специальное внимание, касается апелляции к личностным конструктам в связи с возникновением эмпатии, эта линия доминирует в литературе.

Обратившись к 2517 источникам (ключевое слово «эмпатия», область поиска ограничена журнальными статьями, книгами и диссертациями в рамках психологического знания), имеющимся в научной электронной библиотеке «Elibrary.ru»; представляется обоснованным говорить о том, что проблема эмпатии зачастую представлена работами, выполненными в рамках различных отраслей психологического знания. Исследовательский интерес авторов нацелен на изучение ряда вопросов: 1) анализ эмпатии у представителей различных профессий типа «человек—человек» [2], в том числе среди педагогов, психологов и врачей; 2) исследование эмпатии у детей и подростков, а также изучение способов развития эмпатии [4; 9]; 3) рассмотрение эмпатии в связи с коммуникативным процессом [5; 7; 10]; 4) изучение специфики эмпатии в норме и в патологии [3; 8]. Эмпатия рассматривается преимущественно как личностный конструкт, крайне редко — как механизм социальной перцепции [1], хотя именно такое понимание эмпатии позволило бы разрешить сложившиеся концептуальные противоречия.

Хотя система рассмотрения эмпатии, представленная в работе Б. Каффа, имеет ряд ограничений и недостатков, важность предложенной аналитической рамки не вызывает сомнений, она демонстрирует сложность и многомерность изучаемого явления.

Разнообразие в понимании эмпатии, по мнению авторов, оборачивается тремя серьезными проблемами [13]: во-первых, при интерпретации результатов исследователям требуется ответить на вопрос о том, что именно исследовалось, как изучаемая реальность соотносена с близкими явлениями, а мы бы добавили, что требуется ответить на вопрос о том, как именно операционализировались понятия. Отсюда проистекает сложность в сравнении результатов исследований эмпатии. Во-вторых, расхождение в понимании эмпатии в стане исследователей и в стане практиков ведет к несогласованию между полученными эмпирическими фактами и программами интервенции. Наконец, расхождение в трактовках эмпатии оборачивается затруднениями на уровне терапевтического воздействия.

На разнообразие в понимании эмпатии обращает внимание в своей работе «Эти вещи называются эм-

патией: восемь взаимосвязанных, но различных феноменов» (2009) Д. Бэтсон [11], однако его попытка систематизировать проблемную область отличается от рассмотренной выше и, как нам видится, позволяет продемонстрировать отличающиеся грани эмпатии. Автор предлагает различать восемь вариантов концептуализации эмпатии, которые, будучи связанными друг с другом, не являются при этом элементами, аспектами, сторонами или компонентами того, что есть эмпатия.

Согласно первой концепции, эмпатия — это знание о внутреннем состоянии Другого («когнитивная эмпатия» или «эмпатическая точность»).

С точки зрения второй модели, эмпатия — это принятие мимики и пантомимики Другого или совпадение нервных реакций с наблюдаемым Другим («имитация» или «моторная мимикрия»); т. е. автоматическая реакция ведет к возникновению у наблюдателя того же состояния, что у наблюдаемого. С точки зрения Бэтсона, едва ли именно этот механизм срабатывает у взрослых, ибо они опираются на память, представления, коммуникацию, чтобы выносить суждения о состоянии Другого.

Согласно третьей модели, эмпатия определяется так: «чувствовать себя, как чувствует себя Другой». Эмоции наблюдателя не обязательно должны быть идентичными, но сходными с теми, что испытывает наблюдаемый. Это «аффективная эмпатия», «эмоциональное заражение», «автоматическая эмоциональная эмпатия».

В рамках четвертого понимания эмпатии речь идет об интуитивном понимании или проецировании себя в ситуацию другого человека. Такое понимание соответствует первым трактовкам эмпатии, о которых писали Т. Липс и Э. Титченер [5; 19]. Аналогично, в современной трактовке эмпатии в рамках теории имитации, мы понимаем то, как мыслят и чувствуют другие, поставив себя на «умственное место» другого человека, используя собственный ум как модель, имитируем опыт другого человека, пытаюсь интуитивно понять его.

Пятая трактовка эмпатии апеллирует к воображению того, как думает и чувствует другой человек. Акт воображения здесь базируется на том, что другой человек сообщает о себе, а также на то, что наблюдателю известно о Другом (ценности, желания и пр.). Для отражения именно этой линии трактовки эмпатии в литературе используются понятия «психологическая эмпатия», «проекция», «представление о точке зрения другого человека».

Следующая модель ставит в фокус внимания представление о том, каково человеку чувствуется и думается, окажись он на месте другого человека. В литературе такому пониманию эмпатии синонимичным оказывается «проективная эмпатия» или «имитация». От четвертой модели данный подход отличается акцентом на межличностный контекст, от пятой модели — тем, что здесь речь идет о том, чтобы поставить себя на место другого человека.

В фокусе внимания седьмой модели — сострадание при виде страданий другого человека. Переживание дистресса обусловлено наблюдением за страданиями другого человека.

Согласно восьмой модели, эмпатия — это сочувствие другому человеку. Синонимичным такому пониманию эмпатии является «эмпатическая забота». Конгруэнтность переживаний здесь трактуется так: позитивные эмоции субъекта эмпатии возникают, если объект эмпатии переживает позитивные эмоции; негативные эмоции — если объект эмпатии переживает негативные эмоции. Однако — в отличие от третьей модели — эмоции не совпадают. Так, страх или раздражение объекта эмпатии будет вызывать у субъекта эмпатии сожаление, жалость, но не страх или раздражение.

Первые шесть моделей, как отмечает Д. Бэтсон, отвечают на вопрос о том, откуда мы узнаем о чувствах другого человека; последние две модели — на вопрос о том, что побуждает человека чутко и заботливо реагировать на страдания другого человека [11].

Краткий анализ обзорных работ по проблеме эмпатии позволяет говорить о том, что эмпатия является многомерным и сложным явлением, его изучение предполагает, что исследователи имеют четкий ответ на вопрос, обозначенный Б. Каффом с коллегами, относительного изучаемой реальности, что позволит им добиться точной операционализации понятия, а также позиционировать полученное знание в этом сложном концептуальном поле [13].

В дуалистической модели эмпатии С. Хейес предлагается различать автоматические эмоциональные реакции — эмоциональное заражение и контролируемые эмоциональные реакции — эмоциональное понимание; эти типы реакций Хейес рассматривает как две части одной объяснительной модели [18]. Автор подчеркивает, что в случае эмоционального заражения мы имеем дело с врожденной реакцией, которая, с точки зрения эволюции, крайне важна. Такая реакция встречается даже у представителей животного мира. Напротив, эмоциональное понимание является продуктом культурного развития и возникает лишь в результате соответствующих культурных воздействий.

Говоря о социальном разделении эмоций, Б. Риме предлагает иное соотношение эмоционального заражения и эмпатии. По Риме, эмоциональное заражение — это выражение эмоций, которые появляются у человека без осознания причин своего состояния (действие автоматических процессов). Подчеркивая, что механизмы явления не очень ясны, Риме указывает на то, что индивидуальные и ситуативные условия возникновения заражения изучены [24]. Эмпатия же возникает через понимание ситуации другого человека, которое происходит путем возникновения соответствующих образов, порождаемых восприятием чужой точки зрения. Поставив себя на место другого, индивид может представить себя в ситуации этого человека, а этого достаточно для того, чтобы пробудить эмоции, соответствующие этой ситуации. Таким образом, возникновение эмпатии опирается на когнитивные процессы [24]. В понимании Риме, эмоциональное заражение и эмпатия не объединяются в общую модель, как это представлено в работе Хейес.

Консенсус в отношении определения эмпатии едва ли требуется и не может быть достигнут, но во-

дораздел между эмпатией и родственными конструктами необходим. И обсуждение работ Д. Бэтсона, Б. Каффа, Б. Риме, Г. Яходы [11; 13; 19; 24] направлено на выполнение этой задачи.

С функциональной точки зрения, эмпатия делает возможным «... ориентировку в переживаниях другого (человека или животного) и синхронизацию эмоциональных процессов переживающего и наблюдающего» [6, с. 198].

Среди вероятных претендентов на роль механизмов эмпатии, которые Т.И. Пашукова предлагает на основе анализа литературы, — проекция, интроекция, эмоциональное подражание, эмоциональное заражение, рефлексия, идентификация, децентрация [6]. Некоторые из этих механизмов имплицитно представлены в определениях эмпатии, о которых говорилось выше, отсюда, вариации в трактовке эмпатии соотносятся с различиями в понимании механизмов, ее запускающих.

Измерение эмпатии. Сложность феномена, его многомерность, существование палитры определений и, как показывает анализ литературы за последние двадцать лет, предпринятый Д. Нейманом с коллегами, отсутствие какого-то одного высокоцитируемого определения эмпатии — все это предвосхищает наличие значительного количества методик для измерения эмпатии [22].

Первая попытка ответить на вопрос о том, можно ли выделить эмпатическую способность и измерить ее, принадлежит Р. Даймонд, для которой эмпатия представляет собой мысленный перенос себя в мысли, чувства и действия другого, с последующим структурированием миров таким образом, как это делает Другой [17].

Если изначально больший интерес уделялся когнитивной стороне, что Д. Нейман связывает с развитием этого направления в психологии, позже, в 60-е гг., появились методики, фокусирующие внимание на аффективной стороне эмпатии [22]. Развитие нейронаук в конце XX в. дало возможность разрабатывать методики, позволяющие фиксировать ряд физиологических коррелятов эмпатии.

Не задаваясь целью обзора существующих измерительных инструментов, ибо это самостоятельная задача, отметим, что в литературе предлагаются различные основания для классификации методик, но представляется возможным выделить три основные группы: 1) *основанные на самоотчете, даваемом испытуемым* (в качестве стимуляции используются изображения и истории, вызывающие эмпатию, опросники или экспериментальные ситуации); 2) *основанные на экспертной оценке* (наблюдатели фиксируют преимущественно невербальные проявления, связанные с эмпатическими реакциями в экспериментальных ситуациях); 3) *основанные на фиксации физиологических реакций* (среди которых — сердцебиение и электрическая проводимость кожи; с развитием нейронаук стали использоваться показатели мозговой активности) [22; 28]. В качестве примера методики, основанной на самоотчете, можно упомянуть ту, которая была разра-

ботана для измерения эмпатии у детей и получила широкое применение («Тест аффективных реакций для измерения эмпатии Фешбах и Рой» [28]). Суть методики сводится к следующему: испытуемому предъявляется вызывающий эмоциональную реакцию сценарий — изображение (фотография или рисунок) и соответствующая история; вслед за этим задаются вопросы, направленные на выявление переживаний (эмпатическая реакция операционализируется как соответствие реакций субъекта реакциям объекта эмпатии). Проблемы в связи с использованием этого инструмента таковы: короткие истории едва ли могут быть надежны для того, чтобы вызвать эмпатическую реакцию; возникновение социально желательных ответов; эмпатические реакции оказались зависимыми от пола и возраста экспериментатора [28]. Проблема социальной желательности характерна и для опросников, измеряющих эмпатию у взрослых (например, шкала А. Мехрабяна и Н. Эпштейна), хотя и в меньшей степени, чем в детской выборке. В экспериментальных ситуациях испытуемым предъявляется стимуляция (например, видео- или аудиоматериалы), затрагивающая эмоционально, а затем с помощью соответствующих шкал фиксируется эмоциональное состояние [28].

В случае экспертной оценки эмпатии (экспертами могут быть родители, учителя, сверстники и пр.) ставится задача оценить реакции интересующего субъекта эмпатии (использоваться могут шкалы эмпатии — по аналогии со шкалой А. Мехрабяна и Н. Эпштейна, оценке подлежат невербальные проявления) [28]. Преимущество этого способа измерения эмпатии определяется снижением социальной желательности — по сравнению с самоотчетными опросниками. Если речь идет о детях, то в случае внешней оценки преодолевается проблема затруднения в выражении эмоционального состояния, кроме того, наличие ряда наблюдателей-экспертов позволяет проверить оценку эмпатии на согласованность.

Наконец, для оценки эмпатии используются объективные показатели — физиологические проявления (частота сердечных сокращений и электрическая проводимость кожи), которые проявляются по-разному в случае сопереживания или дистресса. Оставляя в стороне определенные трудности в связи с фиксацией физиологических показателей, подчеркнем, что главное преимущество использования этих методов заключается в преодолении социальной желательности, испытуемый не может сознательно исказить объективные показатели [28].

Проблема, на которую требуется обратить внимание в этой области, касается соотношения трех типов измерения эмпатии, ибо имеющиеся эмпирические факты пока противоречивы [28].

Объект эмпатии. Один вопрос, который в дискуссии об эмпатии и ее механизмах оказывается, в некотором смысле, на периферии, касается того, кто вызывает эмпатические реакции, на кого именно они направлены. В системе Б. Каффа с коллегами объект эмпатии рассматривается через призму реальности

его существования, никакие иные его особенности и характеристики не обсуждаются [13]. По мнению Т.И. Пашуковой, П. Фресс одним из первых обозначил, что чаще всего эти реакции направлены на близких родственников, хорошо знакомых людей, словом, на представителей близкого окружения, на тех, с кем индивида связывает привязанность [6], тех, кто является продолжением *self* индивида, кто включен в его идентичность. П. Фресс утверждал, что, как следствие эмпатических реакций, индивид в большей степени и охотнее помогает тому, кто похож на него или зависим от него; по словам М. Дэйвиса, дружеский жест, помощь, действия, сопряженные с определенным риском для помогающего, скорее будут адресованы тем, с кем у нас есть определенная аффективная связь, чем случайным людям, с которыми нас ничего не связывает [14]; эмоции переживаются по-разному, будь они от имени члена ингруппы или аутгруппы [12]. Таким образом, можно говорить о факторах, фасилитирующих возникновение эмпатических реакций. Развивая идею П. Фресса, Т.И. Пашукова приходит к заключению: «Видимо, существуют и факторы, уменьшающие эмпатические проявления вследствие затруднения понимания состояния человека, принадлежащего, например, к другой культуре» [6, с. 198]. И это убеждение согласуется с положениями психологии межгрупповых отношений, касающихся ингруппового фаворитизма, а также поддерживается многочисленными эмпирическими фактами: принадлежность к одной и той же группе позволяет предсказывать, что индивиды будут проявлять эмпатические реакции, будут готовы прийти на помощь, когда этот человек является членом ингруппы, а не аутгруппы [15]. Нет сомнений в том, что в ситуации многообразия культур крайне важным является понимание точки зрения представителя другой культуры [23], в противном случае велика возможность возникновения не только напряженности, но и конфликта [21]. Тем более что многочисленные эмпирические факты свидетельствуют о том, что отсутствие эмпатии является причиной агрессии, насилия и антисоциального поведения [12; 24]. Тогда в современной ситуации, которая характеризуется процессами глобализации в целом (столкновением с представителями других культур), а также высоким уровнем миграционных процессов, перед исследователями возникает необходимость изучения факторов, способствующих возникновению эмпатических реакций в отношении представителей других культур (иначе говоря, в отношении членов аутгруппы), а перед практиками — задача разработки эффективных образовательных программ, направленных на улучшение межгрупповых отношений, где бы эмпатия, например, выступала в качестве медиатора помогающего поведения.

Апеллируя к фактору сходства между субъектом и объектом эмпатии, на который указывается в литературе [12; 14; 15; 16], обратимся к идеям теории социальной идентичности [27]. Согласно этой теории, индивид может быть категоризован по ряду оснований: в результате кросс-категоризации один и тот же человек, в нашем случае представитель другой культуры,

может восприниматься как член ингруппы по одному основанию и как член аутгруппы — по другому основанию. В частности, как пишут Р. Браун и Дж. Тернер [27], если индивид категоризован по одному основанию, то это ведет к позитивной оценке в случае члена ингруппы (+1) и негативной оценки — в случае члена аутгруппы (-1). В случае категоризации по двум основаниям исследователи предлагают ожидать суммарного эффекта, т. е. член ингруппы по двум основаниям получит наиболее позитивную оценку (+2), член аутгруппы по двум основаниям — наиболее негативную оценку (-2); в то время как члены ингруппы по одному основанию и аутгруппы — по другому основанию соответственно будут оцениваться нейтрально (0). В результате такой перекатегоризации индивид воспринимается иначе, вызывая менее негативные реакции со стороны воспринимающего. Несложно представить, что такого рода перекатегоризация может быть использована, когда речь идет о факторах эмпатии в ситуации столкновения с представителями других культур. Это направление исследований видится перспективным не только с теоретической точки зрения, но и с прикладной, если принимать во внимание факт столкновения культур, в результате как процесса глобализации, так и процессов миграции.

Развитие идей кросс-категоризации (в терминах автора процесс обозначается как рекатегоризация) в связи с эмпатией в отношении представителя аутгруппы можно найти в работах Дж. Довидио с коллегами [16]. Три модели основываются на предположении о том, что эмпатия (рассматриваемая как эмпатическая забота) является важным посредником, с помощью которого такие социальные факторы, как межгрупповой контакт и восприятие общей идентичности, формируют межгрупповые установки и поведение. Согласно первой модели, эмпатия выступает в качестве медиатора между воздействием, нацеленным на снижение интергрупповой пристрастности (например, путем механизма идентификации), и межгрупповыми аттитюдами. В пользу этой модели говорят факты, полученные в ряде экспериментальных исследований, например, когда белым студентам зачитывали текст (от имени темнокожего студента), в котором говорилось о дискриминации. В одном случае испытуемых просили поставить себя на место автора текста и представить, что они бы почувствовали на его месте (экспериментальная группа), в другом — требовалось быть объективными при анализе информации (контрольная группа). Испытуемые в экспериментальной группе демонстрировали снижение межгрупповой пристрастности по сравнению с испытуемыми из группы контроля [16]. Смена позиции наблюдателя на позицию деятеля с неизбежностью трансформирует атрибутивные процессы, реальность воспринимается иным образом [12]. Сходные результаты были получены и в других исследованиях (на примере представителей ряда стигматизируемых групп — ВИЧ-позитивных, бездомных, наркоманов и пр.). Причем отсроченный замер аттитюдов в отношении представителя аутгруппы демонстрировал устойчивость эффекта [16; 25].

Логика второй модели такова: принадлежность к группе может влиять как на межгрупповые отношения, так и на саму эмпатию, а эти два конструкта, в свою очередь, могут независимо друг от друга влиять на межгрупповые реакции. Аппелируя к идеям модели общей и групповой идентичности, Дж. Довидио полагает, что перекатегоризация, реализуемая путем систематического изменения восприятия межгрупповых границ, позволяет снижать межгрупповую пристрастность [16]. В результате индивиды воспринимают себя как принадлежащие к одной общей категории (более высокого уровня), а не как члены двух отдельных групп. В качестве новых оснований для категоризации могут выступать школьный класс, компания, нация. Введение таких объединяющих факторов, как общие цели или общая судьба, благоприятствуют созданию общей ингрупповой идентичности [16]. Экспериментальные результаты, полученные на выборке белых студентов, аутгруппой для которых были темнокожие студенты, дают эмпирическую поддержку этой модели [16].

В третьей модели утверждается, что предшествующие межгрупповые аттитюды и характер межгруппового контакта модулируют эмпатические реакции по отношению к членам аутгруппы. Хотя, согласно гипотезе контакта, аттитюды в отношении аутгруппы должны улучшаться, однако характер самого контакта (позитивный или негативный) определяет, ослабится или усилится межгрупповая пристрастность. Опять же, экспериментальные факты свидетельствуют в пользу положений этой модели [16].

Концептуальные модели и эмпирические факты, полученные в рамках этих моделей, свидетельствуют в пользу существования факторов, способствующих эмпатической реакции в отношении члена аутгруппы, ибо без специального воздействия член аутгруппы не вызывает одной реакции [12; 15; 16]. Эмпатия, словами Дэйвиса, представляет собой психологический процесс, который, пусть и временно, но «...объединяет разделенные социальные сущности *self* и *other*» [14, p. 20]. Разрыв этих связей между ингруппой и аутгруппой оборачивается антисоциальным поведением [12]. Очевидно, что объект эмпатии заслуживает такого же пристального внимания исследователей, как и ее субъект.

Заключение. Основной задачей в настоящей работе было обсуждение актуального состояния проблемы эмпатии в психологии, а также поиск новых линий анализа. Имеющиеся в литературе многочисленные определения эмпатии, равным счетом как и механизмы, ее объясняющие, требуют дальнейшего теоретического осмысления и эмпирической проверки. Словом, по-прежнему можно констатировать, что понятие эмпатии окружено некоторым *болотом определений* [25]. Анализ работ по эмпатии за последние 20 лет свидетельствует о том, что нет какого-то определения эмпатии, которое бы цитировалось с той или иной степенью устойчивости [22]. Вариативность в трактовке эмпатии оборачивается существованием целой палитры методик для ее измерения, и

еще только предстоит ответить на вопрос о том, как соотносятся результаты измерения эмпатия, получаемые с помощью методик различного типа (основанных на самоотчете, на экспертной оценке или на физиологических показателях).

Современная ситуация такова, что она сопряжена с процессами глобализации в целом (взаимодействие

с представителями других культур), а также с высоким уровнем миграционных процессов, отсюда перед исследователями открывается перспектива поиска факторов, способствующих возникновению эмпатических реакций в отношении представителей других культур, ибо эмпатия является одной из ключевых категорий социального существования [12].

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект пресс. 2000. 287 с.
2. Борисова Д.П., Дворянчиков Н.В. Эмпатические способности сотрудников УИС – возможности исследования и перспективы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Т. 5. № 1. С. 58–69. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76152.shtml> (дата обращения: 18.11.2019).
3. Демидова Л.Ю., Шерягина Е.В. Возможности и перспективы изучения эмпатии у лиц с аномалиями сексуального влечения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Т. 3. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63784.shtml> (дата обращения: 22.11.2019).
4. Изотова Е.И. Когнитивные и поведенческие репрезентации эмпатии в дошкольном и младшем школьном возрасте [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 5(19). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.11.2019).
5. Карягина Т.Д. Эволюция понятия «эмпатия» в психологии: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2013. 175 с.
6. Пашукова Т.И., Троицкая Е.А. Механизмы и функции эмпатии // Вестник МГЛУ. 2010. № 7. С. 197–209.
7. Поддубная Т.В. Проблематика эмпатии в исследованиях психологических аспектов профессиональной медицинской деятельности (обзор) // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 2. С. 9–36. doi:10.17759/cpp.2015230202
8. Холмогорова А.Б., Царенко Д.М., Москачева М.А. Нарушения социального познания при расстройствах шизофренического и аффективного спектров [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2016. Т. 5. № 4. С. 103–117. doi:10.17759/cpse.2016050408
9. Юдина Т.О. Роль врожденных и средовых факторов в развитии эмпатии: обзор зарубежных исследований // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 2. С. 13–23. doi:10.17759/chp.2017130202
10. Юсупов И.М. Психология эмпатии: теоретические и прикладные аспекты: дисс. ... д-ра психол. наук. СПб., 1995. 252 с.
11. Batson D. These things called empathy: eight related but distinct phenomena. In: J. Decety, W. Ickes (eds.). *The social neuroscience of empathy*. Cambridge, MA: MIT Press. 2009. P. 3–15.
12. Castano E., Kidd D. Antisocial behaviour in individual and groups: An empathy-focused approach // *The Oxford handbooks of personality and social psychology* / K. Deaux, M. Snyder (eds.). doi: 10.1093/oxfordhb/9780195398991.013.0017
13. Cuff B, Brown S. J, Taylor L, Howat D. Empathy: a review of the concept // *Emotion review*. 2014. Vol. 7. P. 1–10. doi: 10.1177/1754073914558466
14. Davis M.H. Empathy: negotiating the border between self and other // *The social life of emotions: Studies in emotion*

References

1. Andreyeva G.M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya*. [The psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt press. 2000. 287 p.
2. Batson D. These things called empathy: eight related but distinct phenomena. J. Decety (eds.), *The social neuroscience of empathy*. Cambridge, MA: MIT Press, 2009, pp. 3–15.
3. Borisova D.P., Dvoryanchikov N.V. Empaticheskiye sposobnosti sotrudnikov UIS – vozmozhnosti issledovaniya i perspektivy [Empathic abilities of penal system employees: research opportunities and perspectives]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2015, no. 1, pp. 58–69. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Castano E., Kidd D. Antisocial behaviour in individual and groups: An empathy-focused approach. In Deaux K. (eds.), *The Oxford handbooks of personality and social psychology*. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195398991.013.0017
5. Cuff B., Brown S.J., Taylor L., Howat D. Empathy: a review of the concept. *Emotion Review*, 2014. Vol. 7, pp. 1–10.
6. Davis M.H. Empathy: negotiating the border between self and other. L.Z. Tiedens (eds.), *The social life of emotions: Studies in emotion and social interaction*. New York: Cambridge University Press, 2004, pp. 19–42.
7. Demidova L.YU., Sheryagina Ye.V. Vozmozhnosti i perspektivy izucheniya empatii u lits s anomaliami seksual'nogo vlecheniya [Opportunities and prospects for the study of empathy in individuals with anomalies of sexual desire]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2013, no. 3, pp. 1–18. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Dovidio J.F., Gaertner S.L. Intergroup bias. In: S.T. Fiske, D.T. Gilbert, G. Lindzey (eds.), *Handbook of social psychology*. New Haven: John Wiley & Sons, 2010, pp. 1084–1121.
9. Dovidio J.F., Johnson J.D., Gaertner S.L., Pearson A.R., Saguy T., Ashburn-Nardo L. Empathy and intergroup relations. In: M. Mikulincer, P.R. Shaver (eds.), *Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature*. Washington: American Psychological Association, 2010, pp. 393–408.
10. Dymond R. A. A scale for the measurement of empathic ability. *Journal of Consulting Psychology*, 1949. Vol. 13, pp. 127–133.
11. Heyes C. Empathy is not in our genes. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 2018. Vol. 95, pp. 499–507.
12. Izotova Ye.I. Kognitivnyye i povedencheskiye reprezentatsii empatii v doskol'nom i mladshem shkol'nom vozraste [Cognitive and behavioral representations of empathy in preschool and primary school age]. *Psikhologicheskiye issledovaniya: elektron. nauch. Zhurn [Psychological studies]*, 2011, no. 5.
13. Jahoda G. Theodor Lipps and the shift from «sympathy» to «empathy». *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 2005. Vol. 41, pp. 151–163.
14. Jorland G., Thirioux B. Note sur l'origine de l'empathie. *Revue de Métaphysique et de Morale*, 2008, no 2, pp.269-280.
15. Karyagina T.D. Evolyutsiya ponyatiya «empatiya» v psikhologii. [The evolution of the concept of “empathy” in psychology Ph.D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2013. 175 p.

and social interaction / L.Z. Tiedens, C.W. Leach (eds.). New York: Cambridge University Press, 2004. P. 19–42.

15. Dovidio J.F., Gaertner S.L. Intergroup bias // Handbook of social psychology / S.T. Fiske, D.T. Gilbert, G. Lindzey (eds.). New Haven: John Wiley & Sons, 2010. P. 1084–1121.

16. Dovidio J.F., Johnson J.D., Gaertner S.L., Pearson A.R., Saguy T., Ashburn-Nardo L. Empathy and intergroup relations // Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature / M. Mikulincer, P.R. Shaver (eds.). Washington: American Psychological Association, 2010. P. 393–408.

17. Dymond R.A. A scale for the measurement of empathic ability // Journal of Consulting Psychology, 1949. Vol. 13. P. 127–133.

18. Heyes C. Empathy is not in our genes // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2018. Vol. 95. P. 499–507.

19. Jahoda G. Theodor Lipps and the shift from «sympathy» to «empathy» // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2005. Vol. 41. P. 151–163

20. Jorland G., Thirioux B. Note sur l'origine de l'empathie // Revue de Métaphysique et de Morale. 2008. № 2. P. 269–280.

21. Nelson D.W., Baumgarte R. Cross-cultural misunderstanding reduce empathic responding // Journal of Applied Social Psychology. 2004. Vol. 34 (2). P. 391–401.

22. Neumann D.L., Chan R.C.K., Boyle G.J., Wang Y., Westbury H.R. Measures of empathy: Self-report, behavioral, and neuroscientific approaches [Электронный ресурс] // Measures of personality and social psychological constructs / G.J. Boyle, D.H. Saklofske, G. Matthews (eds.). Elsevier Academic Press, 2015. P. 257–289. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-386915-9.00010-3>

23. Nourkova V.V. Cultural patterns of self in autobiographical memory of childhood: Comparison of the Chinese, Russian and Uzbek samples // PsyCh Journal (2020, in press).

24. Rimé B. Le partage social des émotions. Paris: Presses Universitaires de France, 2015. 420 p.

25. Stephan W., Finlay K. The role of empathy in improving intergroup relations // Journal of Social Issue. 1999. Vol. 55. P. 729–743.

26. Thirioux B., Birault F., Jaafari N. Empathy is a protective factor of burnout in physicians: new neuro-phenomenological hypotheses regarding empathy and sympathy in care relationship // Frontiers in Psychology. 2016. № 7. P. 1–11.

27. Vescio T.K., Hewstone M., Crips R.J., Rubin M. Perceiving and responding to multiply categorizable individuals: cognitive processes and affective intergroup bias // Social identity and social cognition / D. Abrams, M. Hogg (eds.). Oxford: Blackwell Publisher, 1999. P. 111–140.

28. Zhou Q., Valiente C., Eisenberg N. Empathy and its measurement // Positive psychological assessment: A handbook of models and measures / S.J. Lopez, C.R. Snyder (eds.). Washington: American Psychological Association, 2003. P. 269–284.

16. Kholmogorova A.B., Tsarenko D.M., Moskacheva M.A. Narusheniya sotsial'nogo poznaniya pri rasstroystvakh shizofrenicheskogo i affektivnogo spektrov [Disorders of social cognition in disorders of schizophrenic and affective spectra]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya [Clinical and special psychology]*, 2016, no. 4, pp. 103–117. (In Russ., abstr. in Engl.)

17. Nelson D.W., Baumgarte R. Cross-cultural misunderstanding reduce empathic responding. *Journal of Applied Social Psychology*, 2004. Vol. 34, pp.391-401.

18. Neumann D.L., Chan R.C.K., Boyle G.J., Wang Y., Westbury H.R. Measures of empathy: Self-report, behavioral, and neuroscientific approaches. In Boyle G.J. (eds.), *Measures of personality and social psychological constructs*. Elsevier Academic Press, 2015, pp. 257–289.

19. Nourkova V.V. Cultural patterns of self in autobiographical memory of childhood: Comparison of the Chinese, Russian and Uzbek samples. *PsyCh Journal* (2020, in press).

20. Pashukova T.I., Troitskaya Ye.A. Mekhanizmy i funktsii empatii [Mechanisms and functions of empathy]. *Vestnik MGLU [Herald of MSUL]*, 2010, no. 7, pp. 197–209.

21. Poddubnaya T.V. Problematika empatii v issledovaniyakh psikhologicheskikh aspektov professional'noy meditsinskoj deyatel'nosti (obzor) [The issue of empathy in studies of the psychological aspects of professional medical activity (review)]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Consulting psychology and psychotherapy]*, 2015, no. 2, pp. 9–36. (In Russ., abstr. in Engl.)

22. Rimé B. Le partage social des émotions. Paris: Presses Universitaires de France, 2015. 420 p.

23. Stephan W., Finlay K. The role of empathy in improving intergroup relations. *Journal of Social Issue*, 1999. Vol. 55, pp. 729–743.

24. Thirioux B., Birault F., Jaafari N. Empathy is a protective factor of burnout in physicians: new neuro-phenomenological hypotheses regarding empathy and sympathy in care relationship. *Frontiers in Psychology*, 2016, no. 7, pp. 1–11.

25. Vescio T.K., Hewstone M., Crips R.J., Rubin M. Perceiving and responding to multiply categorizable individuals: cognitive processes and affective intergroup bias. In Abrams D. (eds.), *Social identity and social cognition*. Oxford: Blackwell Publisher, 1999, pp. 111–140.

26. Yudina T.O. Rol' vrozhdennykh i sredovykh faktorov v razvitiu empatii: obzor zarubezhnykh issledovaniy [The role of innate and environmental factors in the development of empathy: a review of foreign studies]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2017, no. 2, pp. 13–23. (In Russ., abstr. in Engl.)

27. Yusupov I.M. Psikhologiya empatii: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty. [Psychology of empathy: theoretical and applied aspects. Ph.D. (Psychology) Thesis]. Saint-Petersburg, 1995. 252 p.

28. Zhou Q., Valiente C., Eisenberg N. Empathy and its measurement. In Lopez S.J. (eds.), *Positive psychological assessment: A handbook of models and measures*. Washington: American Psychological Association, 2003, pp. 269–284.

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Bovina Inna Borisovna, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Moscow, State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 10.12.2019

Принята в печать 03.03.2020

Received 10.12.2019

Accepted 03.03.2020